

№ 2 НУМ 1969

Газета №

ТЕАТР

ЭСКИЗ
К ПОРТРЕТУ

Евгений Багратионович Вахтангов как-то сказал, что хочет, чтобы зритель в театре не мог сразу разобраться в своих ощущениях, принес бы их домой и жил ими долго. А ведь достичь этого можно только тогда, когда исполнители раскроют в пьесе друг перед другом свои души без лжи. Актер пермской драмы Вячеслав Расцветаев представляется именно одним из таких исполнителей.

Заметки эти отнюдь не претендуют на полную характеристику творческих результатов, достигнутых актером. Это лишь несколько театральных впечатлений и мыслей, собранных вместе.

Актер должен прожить свою жизнь за каких-то два часа представления, здесь же, на глазах всех, полюбить, возненавидеть, страдать, блаженствовать, убивать, мечтать, гибнуть. Причем, он ведь знает наперед, что будет с человеком, которого он играет, и с этим знанием осуществляет его жизнь.

Вспомните миф о богине Кассандре. Она была наделена даром провидения, знанием грядущей судьбы. И оттого она просто жить не могла, была парализована в своих желаниях — шаг ступить не могла, потому что видела длинный ряд его последствий. И актеру угрожает судьба прожить человеком с даром всеведения.

Так появляется проблема отношения себя как человека на сцене к себе как человеку в жизни. Играть ли на сцене себя или другого? Опирайтесь ли на опыт своих буднично земных переживаний и состояний или вовсе отрешаться от него?

В. Расцветаев в игре не отрешается от своей личности, а, напротив, расширяет ее, как бы продолжая себя в своих героях. В манере его исполнения есть и «самозабвение» и «самовоспоминание».

Может быть, поэтому в созданных им образах сочетаются и обобщенность, и конкретность. Это чувствуется в образах и царя Федора, и Сергея Усова из «Традиционного сбора», и даже в эпизодической роли секретаря комсомольской ячейки в пьесе «Твой дядя Миша». Разнообразным фигурам Расцветаев

придает своей индивидуальностью некоторую общую родственность.

Предпочитая игру сдержанную, Расцветаев порой умеет разразиться таким взрывом, который сразу показывает всю силу чувств, тающихся в его герое. Вспомните одну из сцен финала «Платона Кречета».

Зачастую театральные образы мы забываем сразу же, выйдя из театра, с трудом можем вызвать только какие-то бледные силуэты ролей и большей частью только чисто умозрительные суждения о них.

Расцветаевские герои не выпадают из памяти, каждый из них воскресает в целом ряде характернейших выражений лиц, взглядов, поз, жестов. Эта живучесть в памяти показывает силу их непосредственной впечатляемости и внутреннюю целостность их построения. Особенно запомнился в исполнении Расцветаева царь Федор. Актер сумел передать человеческие чувства, взятые в большом историческом масштабе. После спектакля, помню, думаешь о разных своих планах, и вдруг всплывает ярко та или другая сцена в парче и фамилине, глаза, полные то печали, то гнева, и шепчень: «Как хорошо».

Причем это «как хорошо» я относил тогда невольно не только к театру, не только к спектаклю, но и к сегодняшней своей жизни. Хотелось благословлять эту жизнь и благодарить за нее, потому что спектакль как-то вскрывал ее торжественность, ее мятущее многообразие.

Чтобы покорить зрителя, заставить его по-новому представить себе мир людей, по-новому думать о нем, организуя таким образом его мироощущение, актер должен уметь передавать и дрожание своих нервов, и трепет своего сознания, и понимание того, чем же, собственно, привлекает или отталкивает образ, создаваемый им.

В. Расцветаев несет свои роли каждый раз свежо и неутомимо.

Г. ИВИНСКИХ,
студентка университета.

На снимке: Вячеслав Расцветаев (Платон Кречет, справа) и Владимир Гинзбург в спектакле Пермского драматического театра «Платон Кречет» А. Корнейчука.

Фото И. Вала.